

Vlad Ozer

ПЕРВЫЕ ПОГОНЫ

Моя служба срочная

Vlad Ozer

**Первые погоны.
Моя служба срочная**

«Издательские решения»

Ozer V.

Первые погоны. Моя служба срочная / V. Ozer — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936520-0

Срочная служба солдата-фельдшера в СА., г. Потсдам, ГДР-ГСВГ — 1976—1977 гг. Информация будет полезна всем, кто в армию собрался, и будет что вспомнить тем, кто там и в те годы служил.

ISBN 978-5-44-936520-0

© Ozer V.

© Издательские решения

Первые погоны Моя служба срочная

Vlad Ozer

© Vlad Ozer, 2018

ISBN 978-5-4493-6520-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гл. 1. Первые погоны. гсвг-76

«Моя служба в СА»

(срочная)

Призыву май-76 посвящается.

...Кто не был, тот будет, кто был, не забудет...

28 февраля 1976 года нам, группе пацанов в количестве тридцати человек, вручили дипломы с записью – фельдшер. Так как такая мужская группа в нашем училище была единственной, т.е. десятки лет ни до нас, ни десятки лет спустя таких групп не было, то практически весь педагогический коллектив, в течение четырех лет был крайне озабочен, как дотянуть это «стадо баранов» до финиша.

«Стадо баранов» – постоянное любимое сравнение – выражение руководительницы нашей группы. Как я уже сказал, «стадо» состояло из тридцати штук. А овечек (т.е. будущих медицинских сестер) примерно, около шестисот, «переменного» состава. Кому приходилось

бывать в медицинских учебных заведениях, те видели, что форма одежды обучающихся, ежедневно – белые халаты.

Теперь представьте, тридцать, так и хочется повторить вверху приведенное сравнение, но мы так оскорбительно о себе не думали, в общем, пацанов, примерно по шестнадцать лет, оторванных от пап и мам, не обученных стирке белья, лишенных современных стиральных «Тайдов». Но как требовалось в выписке о зачислении, привезли с собой новенькие, мамами накрахмаленные и отутюженные на 1 сентября (1972 год) халаты. Проходит первая, вторая неделя обучения – халаты черные и рваные.

Педагоги в ужасе, пытаются заставить нас стирать, но после нашей стирки они выглядят ничуть не лучше. Читатель возможно спросит, мол, а девочки зачем?! Правильно, мы кинулись к ним. Кое-кому один – два раза они постирали, затем стали отнекиваться, ссылаться на занятость, а то и клянчить шоколадки. Ну, а мы же, в основном, салаги, да и времена сорокалетней давности, особенно на периферии – не то, что сейчас секс-подготовка с детского сада.

В общем, дамы нас стали игнорировать. И мы превратились в привидения в темно-серых балахонах. Задумался педагогический коллектив и кого-то прошибла идея. Так как группа вроде, не простая, а спецгруппа, набрана по заказу Министерства обороны, то кинулись в ноги к военкому.

Внимание читатель, первый мой контакт с людьми при погонах, хотя пока и виртуальный. Военный комиссар недолго думал:

– В форму их!

– А в какую? – спросила директриса училища.

– Ну, если нельзя полностью в военную, то хотя бы в стилизованную под нее.

Замечу, что училище абсолютно гражданское. Но придумали – зеленая офицерская сорочка с галстуком и темные брюки, и черные ботинки – для теоретических занятий в классах и аудиториях. Все практические занятия в лечебных учреждениях, по-прежнему – в халатах, с сохранением всех выше перечисленных проблем по ним, до самого конца обучения.

С тех пор военком постоянно, минимум один раз в месяц приглашал всех нас в военкомат. Проводил построения, и смотры внешнего вида. И что нас больше всего тогда раздражало – заставлял коротко стричься.

И еще пару штрихов о моих первых контактах с армией. Был в нашей группе Дима Цымбалюк. Его старший брат уже служил фельдшером в воинской части, что была расположена рядом с нашим училищем. И вот одна из первых случайностей – закономерностей в моей дальнейшей службе – жизни. Генсек, «дорогой» Л.И.Брежнев в том же 1972 году, году нашего поступления в училище, ввел в ВС СССР, так называемый, «Золотой фонд» – институт прапорщиков – мичманов.

И в скором времени брат Цымбалюка получил это звание.

Где-то в конце третьего курса, случайно разговорившись со старшим Цымбалюком, мы узнали, что нам, будущим фельдшерам, для того чтобы получить «золотые звезды» прапорщика, необходимо всего-то прослужить два года срочной (безупречной) службы.

Затем без всяких предварительных учебных заведений, а всего лишь подав рапорт и оформив документы – получить погоны, должность и 180 рублей в месяц! Баснословная, по тем временам сумма. Оклад врача по окончании медицинского института в гражданской системе – 110 рублей, фельдшера – 69 рублей. Я специально, при случае поинтересовался – оклад главврача ЦРБ-186 рублей.

Как выражался великий полководец, А. В. Суворов, (об этом я прочитал где-то намного позже) – «Заманивай, ребята, заманивай!» эти слова он кричал, когда его солдаты под напором превосходящих сил противника, спасались бегством.

Так и в нашу армию основная масса офицерского состава, прапорщиков и военнотружущих по контракту пришла и приходит исключительно заманенная меркантильным интересом. Соответственно, сбежав с гражданки.

Попутно узнаю, что этот оклад может быть увеличен ровно вдвое! Если попасть служить в одну из групп Советских войск за границей. Мечта отложилась в серой прослойке глубоким рубцом.

И еще на эту тему. В начале четвертого курса среди ребят поползли слухи, что сын нашей директрисы, с большим трудом и, благодаря высоким покровителям, поступил после 11 классов в Военно-медицинскую академию в Ленинград. И что самое интересное, туда можно поступать, оказывается, и после медицинского училища, и с дипломом фельдшера. Прямо со срочной службы, и в звании прапорщика... И совсем невероятное, все шесть лет учебы сохраняется все тот же оклад в 180 рублей!

Вторая тайная мечта, которую даже было страшно вспугнуть дерзкими мыслями- поступить и закончить эту академию, еще глубже застряла в мозгу.

Дипломы получили. За все групповые и частные «заслуги» в течение четырех лет руководство училища запретило проводить нам официально выпускной вечер. Сбросились по десятке и на собранные триста рублей сами себе устроили проводы в одной из комнат общаги, тихо и мирно. Утречком разошлись и разъехались кто куда. Старались не подвести свою «мамку» -руководительницу группы, вся группа ее искренне уважала. Добавлю к этому, что она была дочерью офицера, полковника. Сорок лет, не замужем, без детей, от отца, видимо, многое переняла. Относилась к нам строго, но справедливо и с уважением. Лично мне ее методы воспитания в дальнейшем помогали, и не раз.

На третий день после получения диплома я заторопился в свой РВК*, становиться на воинский учет. Слегка волновался. Призыв был на носу, затаенные мечты напоминали о себе. Меня почему-то направили на прием непосредственно к военкому. Постучался в кабинет.

– Да!

Захожу, небольшой кабинет со стойкой-перегородкой. Молодой майор, приветливо улыбаясь, поднялся навстречу, поздоровался за руку, первым представился:

– Майор Гусев.

– Призывник Озерянин! – тоже представился я, и подал свои документы. Майор, полистал их.

– Дипломированные специалисты очень нужны в армии, – сказал он, – очень хорошо, что получили образование. Явно будете востребованы, как медик, а не зачуханный стрелок — гранатометчик.

«Сразу видать, военком душевный человек», – отметил я про себя.

– Вы, молодой человек, будете призваны в первой партии, и, скорее всего, будете направлены служить в Германию.

«Вот те да, – обрадовался я, – везуха!»

Сердце радостно екнуло, я покраснел, смутился.

«Он все мои потаенные мысли, -думаю, – считал, что ли? Ну, не военком, а прямо экстрасенс!»

– Спасибо, товарищ майор! —говорю. – За меня краснеть не придется!
На дворе стояло 3 марта 1976 года.

Накануне Пасхи явился почтальон.

«Неужели повестка?» – екнуло сердце.

– Озерянин?

– Да! А что?

– Завтра в полдень должны явиться в райвоенкомат. Распишитесь.

«Ну, вот, – думаю, – свершилось!»

– С образованием или как? – поинтересовался почтальон

– Медицинское училище только что закончил.

– Это хорошо! Служить медиком легче..

Видимо, будучи заранее психологически, готовым, к получению подобного приглашения, реакция была относительно вялой. Участился пульс, минут на десять, перед глазами промелькнуло короткое время работы и быта в гражданской жизни, чувствуя, что если и вернусь в нее, то очень и очень не скоро. Сообщил родителям, о том, что завтра в 12 дня нужно быть в РВК.

К проводам готовились, поэтому все что необходимо, было подготовлено. Ночь была напряженной, но еще молодой организм, легко справился с нагрузкой. Похмеляться в дорогу не стал.

– Как настроение, Володя? – встретил первым меня на сборном пункте Вася Кохтюк. – Я очень рад встрече.

– Все путем, – отвечаю. – Всю ночь, почитай не спал, просидели с родственниками и друзьями до утра.

– Понятное дело! Проводы —они и есть проводы. У меня тоже самое было. Неизвестно ведь, когда придется снова собраться. Похмелялся с утра?

– Нет. Не стал.

– Неплохо было бы окропить встречу. Сейчас всех наших соберу. Представляешь, семнадцать человек из группы здесь.

– «Ничего себе!» – обрадовался я. Оказалось, что все семнадцать это те, кто учился из нашей области. Пообнимались, порасспросили друг друга, где, кто, чем это время занимался

– Мужики! Опохмелиться есть у кого? —спросил Вася, но ни у кого ничего с собой не осталось, ни грамма. На проходной сумки шмонали и на глазах у честного народа разбивали об бетонную стену и асфальт бутылки, банки и т.д....Там, в углу стоял насыщенный запах самогона различного разлива и казенки.

Прозвучала очередная команда на построение. К нашей шеренге подошел майор Гусев:

– О, Озерянин! Ты здесь?

Я обрадовался еще одной почти родной душе.

– Так точно, товарищ майор!

– Ну, что, мужики, через полтора часа отправка.

Затем, хитро подмигнув, добавил:

– Как смотрите, мужики, на то, чтобы попрощаться перед дальней дорогой по —человечески, а? На посошок, допустим, – это как?

Мы не поверили своим ушам.

– Вы, что серьезно, товарищ майор, – спросил кто-то в полголоса из шеренги.

– Абсолютно серьезно, – ответил военком, – деньги есть у всех, полагаю?

– Так точно! – снова в полголоса, но уже вся шеренга ответила ему

– Смочить дальнюю дорожку – святое дело, мужики! – продолжал майор, поправляя фуражку.

«Это же обычай!» – вспомнил я рассказ, что слышал однажды в компании, мол, наливать рюмку перед дальней дорогой всегда должен старший по возрасту, пожелать удачи и выпить до дна»

– Быстро соберите по пять рублей, и освободите чью-нибудь сумку, – скомандовал майор.

Подходящая сумка оказалась у Степы Мартынюка, ее освободили.

– Кто смелый? – спросил майор. Смелчаками оказались Степа (потому что сумка его), да я (так как рядом стоял, да и майора знал только я).

– За мной! —прозвучала команда майора. Мы пошли в сторону КПП.

Майор благополучно провел нас через КПП, указал, где магазин, сам с нами не пошел. Водки получилось много. Две бутылки вручили военному за идею и помощь. Но вся компания по-прежнему стояла на плацу

«А как же будем распивать? —думаю. Стал шарить вокруг глазами. – Поймают, как пить дать – неприятности».

Правда, тут же успокоил себя: «У майора, небось, здесь все схвачено».

И действительно, зря беспокоился. Майор прошептал мне:

– Становитесь в круг, спинами внутрь.

Так и сделали. Он подсказывает:

– А теперь по очереди заходите внутрь круга и выпивайте. Не все сразу, а по двое! Изображайте, мужики, беззаботную толпу новобранцев посреди плаца.

– А много наливать?

– Кто, сколько может, – хохотнул майор. – Полагается несколько капель через плечо плеснуть, чтобы смочить дорогу.

Получилось все в лучшем виде. На фоне десятков таких же групп- кружочков (от разных РВК), на нас никто не обратил внимания. Хотя по плацу шастало много офицеров и прапорщиков. С нами товарищ майор пить не стал, хотя мы настойчиво предлагали. Попрошался со всеми за руку. Прозвучала очередная команда: «Становись!».

После чего нас пересчитали, сверили по спискам, дали команду: « По машинам!»

На вдруг повеселевшую и потяжелевшую группу молодняка снова никто внимания не обратил, видимо, было не до нас. Больше, я лично майора Гусева никогда не встречал. На память от него, остался автограф в военном билете и теплые воспоминания. Спасибо, товарищ военный комиссар. В дальнейшей службе практически не вспомнить ни одного эпизода, чтобы кто-то из командиров или начальников, проявил заботу о подчиненном бескорыстно, не по долгу службы. Ранним утром мы прибыли эшелонам в славный град Славуту, Хмельницкой области.

Славута.

Сборный пункт уже межобластного масштаба. База. Накопитель. Распределитель, перед отправкой куда-нибудь. От железнодорожного вокзала колонной повели в военный городок. Стоял густой туман, капало с веток деревьев, роса, чистейший воздух. Военные по одиночке,

двигались в сторону городка в плащ – накидках и хромовых сапогах. Зашли на территорию части – широкий и длинный плац. Высокие двухэтажные, оригинальные казармы.

Такой военной архитектуры, в дальнейшем мне встречать не приходилось. Представьте себе залы в длину не менее 50 метров и шириной до 25. Имитация коридора по середине двумя рядами колонн. От пола до потолка – минимум 4 метра. Кровати, расставленные в два яруса по ротно, кажутся на фоне размеров зала – миниатюрными, игрушечными. Кто-то сказал: «Казармы Екатерининские, это она строила их для своих кавалеристов».

Может быть. Других мнений не поступало. У меня возникло чувство приобщения к истории славных предков. Тогда оно еще было нежное, искреннее и трепетное.

В залах чисто, светло, свежо. Правда, в умывальниках и туалете, расположенных с торца этих казарм, был полный бардак, привнесенный современными поколениями. Полы разбиты, залиты водой. До раковин, умывальников и до унитазов нужно было прыгать по кирпичикам и доскам. Из кранов текло, унитазы забиты, сливные бачки сломаны, в санузле стоял нормальный русский дух, которого обычно ни одна вражеская сила не выдерживала. Здесь же рядом в подсобке за рубль, механической машинкой, старая семитская морда, избавляла наши набалдашники от лишней растительности, подчистую, наголо.

– Даешь под Котовского! -прикалывались новобранцы.

На построении перед завтраком, нам сообщили, что ночью с 25 на 26 апреля умер МО СССР маршал А.А.Гречко. Лично в моей душе это сообщение посеяло какие-то смутные ощущения. Как же так, меня не успел призвать, а сам... Потом я не один раз читал и слышал о маршале много положительного. Завтрак. Обед. Ужин. Ничего более удивительного, и отрицательного в меню в своей жизни ни до, ни после встречать не приходилось. Читатель может не поверить, а продовольственники тех лет будут, возможно, возмущаться, но это чистая, правда. Я в двух словах скажу только о первом блюде на обед. Бачок под первое, на десять человек. Чистая, повторяю, прозрачная пресная, кипяченая вода и один, один! Целый «лопух» – пардон – лист капусты. Десять голодных, молодых, здоровых желудков, обалдели:

– И это что же, так два года?!

Помню, единственное, что было съедобным, – это груша в компоте (из сухофруктов). И то она досталась далеко не всем. После такого обеда многие побежали в солдатскую чайную. Там помещение было маленьким. Возле прилавка давка, столпотворение. Времени в обрез. На выходе в темном коридоре, местные «деды» отобрали у меня деньги и часы. Придя в свой взвод, я сообщил об этом своему сержанту. Описал по его просьбе внешность «грабителей» с помощью свидетелей. Надо отдать должное, сержанты довольно оперативно вычислили разбойников, и все отобранное, в течение максимум часа – полтора, было возвращено.

После обеда нас построили и повели на вешевой склад переодевать. До сих пор мы еще были в «гражданке». Склад – огромное хранилище. Толстый прапорщик открыл ворота, прямо на полу, посреди бокса, целые бурты шмоток. Горы п/ш* сапог, ремней, пилоток, портянок. Прапорщик, где на глаз, где по подсказке, в основном, размера обуви, быстро бросает очередному подходящему форму. Благо, наладилась погода, поэтому прямо на улице перед складом происходит переодевание.

Пока идет получение формы, балуясь, рвем, режем на бахрому свою гражданскую одежду (чтоб врагам не досталось). Начальник склада при этом успеваешь с каким – то сожалением приговаривать: «Повезло вам придурки! П/ш, юфтевые сапоги и кожаные ремни выдают только тем, кто убывает за границу!» Для нас это не понятно: «А что носят те, кто служит в Союзе?» – чуть не хором задаем вопрос.

«Х/б*, кирзуху* и ремни из кожзаменителя!» – отвечает представитель «золотого фонда». В душе мы порадовались за себя, как же, мы чуть ли не элита. Нас отобрали в лучшие войска, нам оказали доверие, нас одели в лучшее, что могла предложить Родина. Дальше произошла знакомая для всех новоиспеченных воинов ситуация, несколько часов (или суток), мы не узнавали друг друга.

Вечером, после ужина, сержанты, командиры отделений, обучали нас приводить форму в порядок, подгонять ее под себя, подшивать воротники, правильно наматывать портянки. По соседству с нашим взводом, разместился взвод призывников в ВДВ. Они надели тельняшки и голубые береты. На нас, пехоту, не обращали внимания. В разговоры не вступали, задирали носы, нас игнорировали. Я молча завидовал. Оказалось что мы не самые, и даже очень далеко не элитные. Но в этой голубой «элите», мне еще в дальнейшем предстояло прослужить многие годы.

Вы прочитали первую главу из 172-х. Все они между собой повязаны одной цепочкой-службой в армии. Поэтому, всем кто пожелает, рекомендую читать все главы по порядку, как одно целое. Тогда будет понятна вся последовательность.

*РВК-районный военный комиссариат

*х\б- хлопчатобумажный.

*кирзуха- сапоги из кирзового дермантина.

гл. 2. Дармовая раб. сила

После завтрака, состоявшего из пюре с полусгнившего, наполовину очищенного картофеля, было построение всех призывников без исключения. Кто-то из начальства длинно

и невнятно объявил, где-то срочно нужно заменить кабель. Погрузка в ГАЗ-66. Увезли за город километров за тридцать. Кабель толщиной с большой палец уже был растянут по местности на десятки километров. На одну лопату распределили по 50 метров траншеи, шириной на два штыка, глубиной на 1 метр. Повезло тем, кого выбросили в полях.

Нам достался участок в лесу. Пятьдесят метров сплошных корней и тупая лопата (топоров ни-ни). Весна была прекрасная. Днем до +25 и выше, ночью лужи слегка подмерзли. Разделись до пояса. Контролеры от связистов бегают вдоль траншеи, замеряют ширину, глубину. Громко возмущаются:

– Другие подразделения уже закончили, а вы тут копаетесь.

Наши командирчики тоже им подпевают. Уточняем:

– А где уже закончили – то?

– А вон, – показывают на пахоту. Понятно, слов нет. Возмущаться бесполезно. В обед, после многочисленных обращений к командованию, в термосах подвезли питьевую воду, об обеде забыли. На сырой, некипяченой, теплой воде, где – то к 18.00 мы свои участки траншеи закончили.

На следующий день, на построении, бесплатной и бессловесной рабочей силе объявили: «На склады РАВ*, грузить снаряды!» Привезли на склады. На КПП у всех отобрали зажигательно-курительные принадлежности, даже ощупали карманы. Прошли на территорию, которая показалась мне огромной. Нашему взводу досталось одно хранилище на высоком фундаменте – рампе. По всей длине рампы с нее свисали десятки пар узеньких рельсов на два метра в длину.

Открыли ворота боксов. Внутри на рельсах стояли небольшие тележки с нагруженными на них ящиками со снарядами. Все чисто, аккуратно, даже изящно. К рампе подъезжает УРАЛ, свисающие концы рельс ложатся ему в кузов. Наша задача, нежно толкая тележки, заводить их в кузов. И так спокойно работали где-то часов до 12 дня.

Загрузили машин с десять. Снаряды возили, на какое – то регламентное обслуживание. Мы с утра видели рядом с проходной подобие конвейера. Женщины-работчие что-то там выкручивали – закручивали в головках снарядов, протирали их.

Но вот стали мы загружать очередной кузов. Тележками, которые стояли на рельсах, загрузили пол кузова (водитель старослужащий строчной службы) отъехал и делая маневренные движения, стал резко подавая назад, подъезжать к очередной паре рельс. Пар восемь глаз, включая какого-то майора службы РАВ, прапорщика – начальника хранилища и нас немых исполнителей тупо разинув рты, смотрели на эти уже приевшиеся маневры.

Но тут вдруг произошло то, что заставило разинуть рты до предела. Глаза у всех округлились, как у лемуров, потому что на фоне гробовой тишины, один из заостренных концов рельсы вместо того, чтобы аккуратно лечь на доски дна кузова, с хорошо всем слышным, характерным треском вошел в один из ящиков со снарядами. Куда там немой сцене из ревизора! Мы салаги не испугались, не успели. Только через 20—30 минут пришел страх, когда прапорщик объяснил, что от взрыва одного снаряда могла произойти детонация и взрыв всех снарядов в кузове, а от этого взрыва по цепи, взрыв всех хранилищ...

Рельса не дошла до капсюля 1,5 см. Мы сами осторожно заглянули в этот ящик после майора. Водиле-мудиле, товарищ прапорщик тут же надавал по шее и его куда – то потащили. Нашу группу резко сняли с объекта, показали перед мордами кулак, предупредив о молчании и отправили в казарму.

– А сегодня будете работать на складах ГСМ! – объявили

утром, нам, новоявленным рабам империи, на следующий день. На проходной, как и накануне, у всех отобрали огнеопасные предметы. Нашей группе из пяти человек была поставлена задача отрыть за день котлован под очередную в этой линии цистерну на 40 тонн. Копали мы на совесть, как и все, что ни делает молодежь в первые дни службы. Два солдата и лопата – заменяют экскаватор. Незадолго до обеда уже заканчивали котлован, отрытый по всем указанным начальством параметрам.

Стояла жара. Одной из сторон котлована был бок предыдущей цистерны. Весь в потеках бензина, грунт пропитан, воздух напоен парами ГСМ. Нас от этих испарений дурманит. Давно хочется курить, но все терпят. Равняем углы, подбираем последние комки земли. Вдруг почти все одновременно замечаем, что Миша Баньчук, прикуривает си-га-ре-ту! Все как один, с ревом и лопатами кинулись на него. Он, с идиотски невинным выражением лица, быстро слюной на ладони затушил бычок.

Мы по-прежнему в группе все еще были в фельдшерском составе.

– А что я, ну, забыл, ну, извините, мужики, – обычное бляение придурка.

– А как ты пронес спички, сигареты?

– А меня никто не спросил, не проверил,..– все из той же серии солдатского дебилизма. Вот здесь мы уже испугались по – настоящему. За каких-то пару дней дважды чуть было не упорхнули в небеса в прямом смысле, не только душой, но и с бранными останками.

гл. 3. Ну здравствуй, заграница!

см. РИС. Примерно так нас рисовали враги, за бетонным забором. За т. н. «стеной».

– Становись! Равняйся! Смирно! Товарищ полковник! Личный состав, в коллективе... готовящийся к отправке в группу Советских... по вашему приказу, – так начался очередной день. Перед строем оказался полковник, в полевой форме, в меру широк в плечах, высотой полтора метра с фуражкой.

– Сынки! Е... вашу мать! – хлестнуло по нашим ушам. – Вы отправляетесь на защиту передовых рубежей нашей любимой социалистической Родины, б... дь. Вам Родина, б... дь, оказала высокое доверие...

Строй, как улей загудел. Дальше я не слышал и не слушал. Снова был убит, как на складах РАВ и ГСМ. В очередной раз. Я был поражен. Мы, конечно, тоже далеко не святые. Учились в зачуханных школьных и задрюпанных училищных, а не в пажеских корпусах. Наш слух на уровне нашей среды был давно закален, но ни родители дома, ни педагоги в учебных заведениях, ничего подобного никогда, борони Бог, себе не позволяли. А тут, как оказалось в последствии, полковник, заместитель командующего армией, начальник политического отдела, сорока пяти лет, по возрасту годящийся всем нам стоящим в строю в отцы. Это был очередной шок от столкновения с реальной армией. В дальнейшем я буду еще много раз вспоминать, о так называемых, замполитах- политруках, а нынче с позволения сказать «воспитателях».

После «отеческого» напутствия нас начали собирать в дорогу. Снова эшелон. Остановка, аэродром Озерное, Житомирской области. На взлетную полосу вывели в семь утра. Ночью еще раз похолодало, лужи на бетонке прихватило стеклом. Мы в своих п/ш на голое тело, беспомощно оглядываясь, дрожа от холода, пытались прижаться друг к другу. Перед посадкой, старшой, который нас сопровождал, объявил:

– Пилотки снять, в них выложить все оставшиеся деньги, ценности, часы – они, мол, вам там ни к чему, солдату не положено, а мы все это, напишите адреса, отправим вам домой. Денег, часов, даже цепочек – было еще много, судя по наполненным пилоткам.

Ложь! И откровенный, ничем не прикрытый грабеж. Естественно, никто и не думал кому-то чего-то отправлять. Я лично вычистил из карманов немного, около сотни рублей, часы оставил. Сотня – это как потом оказалось – около трехсот марок ГДР. Почти весь оклад рядового за два года безупречной службы! Ох, как бы они мне там пригодились. В очередной раз, пользуясь нашей безграмотностью, нас надули. Но здесь замполитов конечно и близко не было. Они об этом просто «не подозревали».

С ревом приземлился, с длинным, узким туловищем – ТУ-134. По трапу спустились представители ДМБ-май-76 – выпуска «фирмы-ГСВГ». Первое, что бросалось в глаза – все, щегольски одеты. Масса значков на груди, «парадки» подогнаны, как влитые. Брюки клеш – со вставными клиньями, каблуки на ботинках точеные, удлиненные. У каждого аккуратные чемоданчики, со всевозможными надписями и обклеены переводными красотками.

Смотрелись красиво и впечатляюще. Они были счастливы. Мы поглядывали на них с завистью и тоской. Но вот их построили, надо полагать в последний раз, перед уходом с аэродрома. И тут в их коробке прошло какое-то оживление. В сторону нашей колонны полетели брючные ремни, сопровождаемые криками дембелей: «Вешайтесь сынки! Хватайте ремни, они вам очень пригодятся для этого дела! Х...й вы доживете до нашего праздника!» И т. п.

С этими напутствиями нас начали по быстрому загонять на борт. Настроение, сами понимаете, еще резче «поднялось» вниз. В салоне согрелись. Солнце заглянуло в иллюминаторы,

и закрывшийся в душу страх слегка оттаял. Взлетели. У кое-кого что-нибудь еще сохранилось, типа корки хлеба в вещевом мешке, поделили, перекусили. По радио предупредили, полет будет продолжаться 1 час 50 минут. Высота 10000 метров.

Осмотрелись на своих местах. В хайках* подлокотников было полно всяких галунов, ниток, шевронов. Выяснили причину. Дембеля во время полета перешивали себе лычки. Кто-то не хотел домой являться ефрейтором, лучше рядовым. Кто-то из рядового перекрашивался в младшего сержанта или даже сержанта, чтобы перед домашними повыпендриваться, и т. д. эта тема будет еще затронута, и не раз.

Пейзаж с иллюминатора, благодаря прекрасной погоде, был изумительный. Редкие облака не мешали с высоты десяти километров просматривать просторы Родины, а затем и стран социалистического лагеря. Время – май. Изумрудно-зеленые, бескрайние поля. Но вот почему-то запестрели мелкие полоски, квадратики, уголки. Что такое? А! Так это же мелко-собственническая, держащаяся зубами за свои мелкие наделы, никак не желающая идти в колхоз – ПНР (Польша). У-у-у! кулаческое отродье. Так нам заложили в мозги с детства.

Но вот снова перелетев водный рубеж (Одер) – пошли большие земельные квадраты и прямоугольники. Ну, это понятно, кооперативная ГДР, молодцы, вот это друзья. Они как и мы, (просто колхозы, у них обозвали кооперативами – а так все, как у нас), а вот эти пшеки-поляки... И зачем им собственная земля? Ну, не хотят понять своего счастья в колхозе, и хоть ты им кол на голове теши.

Самолет зашел на посадку. Аэродром «Темплитц». Все на выход. Температура окружающей среды +28°C. А каких-то пару часов назад, замерзали. Резкий контраст. Сразу же хочется снять куртки, что мы и делаем, пока нами вроде никто не командует. Сирень в цвету. Воздух насыщен благоуханием сосны, березы, сирени, по краям взлетки цветет ежевика.

Ты смотри, так у этих «нехороших» немцев, извечных врагов, земля один в один как и на нашем полесье, Волыни. И сосны и березки того же цвета и роста. И трава и песок такой же. Ну, здравствуй, здравствуй вражеско-дружеская Германия. «Навеки»Fröind-Schaft – Фройндшафт.

«В колонну по четыре! Становись! Равняйся! Смирно! Вольно. На ЖД вокзал, шагом марш!»

ЖД вокзал. По рельсам шустро бегают маленький паровозик, пыхтя удушливым дымом и посвистывая. О таких паровозиках «кукушках» мы слышали от дедов и отцов. А тут, вот они живые.

– А говорили нам что ГДР – высоко развитая страна, – сказал кто-то в строю.

– С высокоразвитой индустрией и технологией, – вторит ему голос еще, – а они от нас отстали навсегда! «Посмотрите на этот паровоз – у нас таких уже давно нет, а вот смотрите, смотрите -легковушка едет, да она хуже нашего жопорожца-горбатого!

Смотрю, мимо проехал «Трабант».

– Э, много вы придурки понимаете! – осаждает нас сопровождающий прапорщик. – У немцев просто дефицит горючего, у них нет нашей нефтяной Тюмени, вот они и пашут

на своем буром угольке, с целью экономии. И «Трабант» – очень выгодная, экономичная малолитражка.

С нашей стороны возражений не последовало. Снова эшелон. Поехали, теперь уже по немецкой земельке. Намаившись, практически все уснули. 8 вечера показывали часы на вокзале «Франкфурт – на Одере». Пока все выстроились – уже 9⁰⁰. Идем строем, по словно вымершему городу. Стемнело, населения на улицах в отличие от наших городов, практически никого нет. Ставни в особняках закрыты наглухо.

«Это что – 45 год? Они что от нас попрятались?»

«Нет, – в ответ – Это у них так принято, они рано встают. А кто желает расслабиться – сидят по гаштетам. По улицам зазря не шляются».

Цокаем по красивой брусчатке.

«Время скажи», – просит Вася Кохтюк. На ходу достаю спрятанные в пистончик* часы, спотыкаясь, роняю, быстро подбираю с этих каменяк часы. Стекло вдрызг, стрелки стоят дыбом.

«Пошел бы ты Вася!», – заворачиваю их в бумажку, кладу просто в карман. Авось еще стекло поставлю.

Очередной накопитель, пересылка. Казармы немецкие, добротные. Нары деревянные, широкие, двухъярусные. Наверное, с Бухенвальда и Заксенхаузена завезли, очень уж похожи. Речи о матрасах нет, на голые доски! Рюкзаки под голову! Обувь не снимать, вашу мать! Подъем в 5 утра. Отбой! Свет потух. Не знаю, кто как, но я вырубился сразу. Подъем в 5 утра не порадовал, вставать не хотелось, бока намял, и нельзя сказать, что выспался. Умылись, побрились. На завтрак. В столовой дикое столпотворение. Завтрак оказался приличным. На плац! Плац показался огромным. Посередине – трибуна с микрофоном. Нас фельдшеров отвели в крайний правый угол.

Удачно, в тени деревьев. Солнце уже припекает. Разрешили сесть на свои худые баулы. Плац – экзотика. Восточный базар. Рынок рабов. Впервые в жизни вижу весь Советский Союз в сборе, на лицо. Узбеки, таджики, киргизы, грузины, армяне, чеченцы, осетины, казахи, морд-вины, татары, русские, туркмены, коми... и мы хохлы тут. В 9⁰⁰ начинается работорговля, в прямом смысле слова. Мозги, мышцы и зубы нам, в отличие от средневековых покупателей, предварительно осмотрели на многочисленных медицинских комиссиях.

И это правильно. Сейчас, на этом солнцепеке, торговцам в погонах было намного проще. За пару тысяч лет цивилизация в этом отношении на месте не стояла. Им не было нужды разглядывать нас в живом виде. Медицинская форма 25-ю, плюс краткие характеристики личного дела, давали возможность быстро отобрать необходимый товар. Отобрав по карточкам нужный по количеству и качеству военнообязанных, товарищ выходил на трибуну и по микрофону, через мощные усилители звучала фамилия: допустим, рядовой Кривоупов! (Петренко) и т. п. к трибуне!

Тысячи ушей напряженно прислушивались в ожидании вызова. Набрал необходимую партию, рабовладелец в офицерских (прапорщицких) погонах спешно уступал место у мик-

рофона очередному коллеге. Отобранных по быстрому грузили в ГАЗ-66-е, Уралы и увозили к месту дислокации частей.

Наша группа в принципе никуда не торопилась. Но и перспектива снова спать на Бухенвальдских нарах не радовала. Вальяжно подошли прапорщик и два сержанта в голубых беретах и тельняшках. Нам, сидящим практически на асфальте, глядя снизу вверх, они показались тремя богатырями.

«Вы чьи будете, хлопцы?» – спросил прапорщик.

«Мы медики, фельдшера, вы отбираете в десантники? Возьмите нас, не пожалеете, товарищ прапорщик!» – залепетали мы наперебой.

Прапорщик, а за ним и сержанты, стали оценивающе нас разглядывать.

«Нам фельдшера, действительно нужны, но только двое, всех забрать не сможем, да и не имеем права» – сказал прапорюга.

«Вот ты и ты, – указал он пальцем на Федю Чухту и Олега Тверезовского, – Ваши фамилии и военкомат».

Они представились. Через полчаса мы уже в темпе прощались с однокашниками. Они ушли в отдельную воздушно-десантную бригаду, дислоцировавшуюся в г. Котбус.

После этого, видимо, покупатели в канцелярии услышали о группе фельдшеров и месте их прозябания на плацу, товар ходовой, потому что нас, не вызывая к «позорному столбу» – трибуне, стали расхватывать, как горячие пышки, кого куда прямо на месте, в нашем углу. Не успевали даже толком пожать друг другу руки. Вот подошла и моя очередь окончательно определиться, на какой галере быть прикованным к веслу.

– Рядовой Озерянин?!

– я!

– рядовой Мартынович!

– я!

– рядовой Кохтюк!

– я!

– Ко мне!

Нехотя подходим.

– Я старший лейтенант Холодов, вот ваши документы, следуйте за мной.

За углом, в метрах пятидесяти ГАЗ-66. В кузов, поехали! Куда-то прибыли среди ночи. Казарма, двухъярусные кровати. Быстро спать. Подъем 6⁰⁰. «Фельдшера выходи! За мной, с вещами, шагом марш!» – все тот же старший лейтенант Холодов.

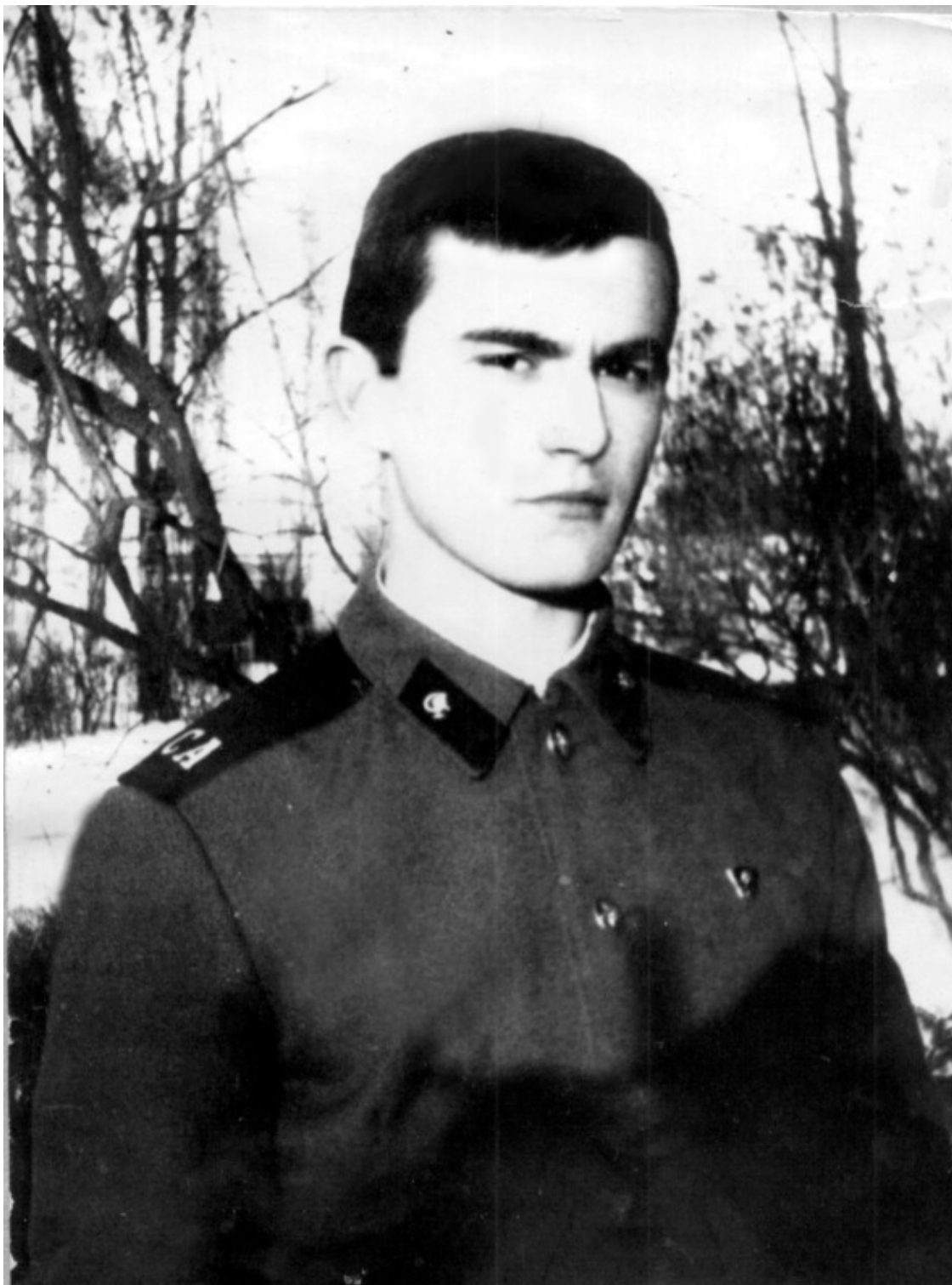
Как оказалось, мы переночевали в автороте Недлитцкой артиллерийской дивизии, в городе Потсдаме. А идем за старшим лейтенантом в медицинскую роту дивизии, метров триста от автороты. Много людей служило в этих славных местах, и не дадут мне соврать, обо всем, что я собираюсь описать в дальнейшем.

Прибыли к серому, мрачному, как и все здания вокруг, трехэтажному, не блещущему архитектурными излишествами корпусу.

См. ФОТО: ТУ-134, это на них нас доставляли к месту службы и обратно.

*хайка-ящичек в подлокотнике кресла.

*пистончик- специальный карманчик на поясе армейских брюк. Для хранения личного жетона.

гл. 4. Знакомство с местом службы

– Вот, товарищи солдаты, вы и прибыли к месту вашей дальнейшей службы, – объявил Холодов. – сейчас подойдет старшина роты и объяснит ваши дальнейшие действия.

– Ну, явились голубчики, вашу мать! Почему небритые, мятые, таку вашу мать!

Рядом с ним крутился какой то киндер-кнехт*.

– Младший сержант Иванов!

Перед нами стоял прапорщик, судя по роже, недавно прибыл с бодуна.

– Я! -отозвался младшой.

– Пусть бросят сидоры в кубрик и бегом в строй, на завтрак!!!

Позавтракали, голодные вернулись назад, потому что холодная гречневая каша без подливы, не пролазила в глотку. Пришлось проталкивать ее таким же прохладным чаем с хлебом без масла. Общий завтрак уже закончился полчаса назад. Поэтому нам дали то, что наскребли на кухне по сусекам.

Стоим в общем ротном строю.

– Майский призыв, выйти со строя!

Вышли.

– Я младший сержант Иванов, ваш командир отделения. До конца КМБ – я ваш царь, бог, и воинский начальник.

Именно так и заявил.

Перед нами стоял мальчик, ростом 160 см. казалось моложе нас по возрасту, т.к. на лице полное отсутствие растительности (через пару дней, моясь в душе, убедились, что и на лобке тоже). Со смешным акцентом, при очень правильном русском произношении. Чуть позже узнали, национальность – мариец. Очень оригинальный был человек. С принципами оловянного солдата. Его не зря назначили через год службы проводить курс молодого бойца с нами. Это был образцовый ходячий Устав. Над ним, как поговаривали, даже никто уже не подшучивал, это было бесполезно, он этого не понимал.

Зато мы скоро, очень скоро, благодаря ему узнали всю прелесть службы по Уставу. Но для начала вернемся к привязке на местности, выражаясь языком артиллеристов, т.к. служить по большому счету я попал в артиллерию. И очень крупного калибра. И так ГДР. Искусственно созданное социалистическое государство на немецкой территории. Город Потсдам, культурная столица Германии, пригород столицы города Берлина. Видимо, в старые добрые времена он, этот город начинался, как дачный поселок, загородная резиденция прусских королей. Но так, как в описываемое время город оказался пригородом искусственно созданного Западного Берлина, а вокруг последнего по всему периметру бетонная стена, то чтобы попасть в «наш», Восточный Берлин, нужно объехать вокруг стены километров 40—50.

Сам город очень красивый. Королевские парки и дворцы, старые и новые кварталы. Наш Ленинград может и красивее, но эти немцы, берут верх чистотой и порядком. С позволения читателя на описании красоты города я подробнее остановлюсь когда –нибудь потом. Сей-

час некогда. Артиллерийская дивизия, четырех-бригадного состава, две бригады в Потсдаме со штабом и спецподразделениями на окраине города в районе Недлитцштрассе, а две бригады в Камышах. Так на русском языке для простоты произношения называли г. Карл-Маркс – Штадт (КМШ). Это километров двести южнее от Потсдама.

По месту расположения дивизию называют Недлитцкой. Одну бригаду называют верхней, вторую, соответственно, нижней. Между ними посередине - штаб дивизии со всеми спецподразделениями, включая (ОМедр), отдельную медицинскую роту. Общую для всех спецподразделений солдатскую столовую, продовольственный склад, плац, общагу для офицеров и прапорщиков, военторговый магазин, киоск «Союзпечать»,

большой химворонок и общую для всех спецподразделений мусорку. Все это достаточно компактно, все рядом.

Здания, как и все что вокруг, досталось в наследство от прусской армии. Добротные, каменные, трехэтажные. Одна из них переоборудована под медицинскую роту. Левая половина первого этажа: 1) приемное отделение; 2) физкабинет; 3) клиническая лаборатория; 4) рентгенологический кабинет; 5) кабинет командира части. Через перегородку правая половина: 1) четыре спальных (кубика) комнаты на десять коек каждая; 2) оружейная комната; 3) ленкомната; 4) в одном конце коридора умывальник, в другом туалет; 5) бытовая, сушилка; в этом же отсеке – аптека. Второй этаж: 1) терапевтическое отделение; 2) хирургическое отделение с операционным блоком; плюс все необходимые подсобные помещения, плюс столовая с кухней для больных. Третий этаж: 1) бактериологическая лаборатория; 2) тайная комнатка для встречи высокопоставленных гостей; 3) фотолаборатория – все это одна треть этажа. За глухой перегородкой в других двух третьих небольшая общага для своих офицеров и прапорщиков.

Кто там точно жил, я не вникал, но самое опасное для нас и неудобное, то, что там жил старшина роты – прапорщик Сукинцов. Так получалось, что практически круглые сутки он был на месте. Ему для службы, это было очень выгодно и удобно. Чердачное помещение занимали: вещевой склад; кинозал; спортзал; аптечный склад. И для завершения – еще огромное подвальное помещение: в правом углу подвала еще один аптечный склад с дезсредствами, баллоны с кислородом и закисью азота – закрывался на решетчатую арматурную дверь; химический склад; бельевой склад. «Музыкальная студия», и много других помещений неизвестного мне назначения. В левом конце подвала было еще одно помещение на уровень ниже – теплопункт, в котором сходились магистрали теплотрасс с всякими запчастями и вентилями.

Длина подвала около семидесяти метров. От этого помещения в разные стороны расходились просторные тоннели. О них я еще скажу пару слов позже. Вокруг здания медицинской роты – большой, но годами плохо ухаживаемый сквер. С тыльной стороны – дворик с неплохим газончиком, посреди которого был неработающий фонтанчик, а рядом бронзовая скульптура в натуральную величину обнаженная девушка с олененком на коленях (или козленком). Такая себе немецкая Альёнушка с братцем Иоганнушкой. Солдаты всей округи приходили фотографироваться с ней в обнимку. Я почему относительно детально описал место своей дислокации потому, что практически с каждым помещением и территорией связан ряд эпизодов.

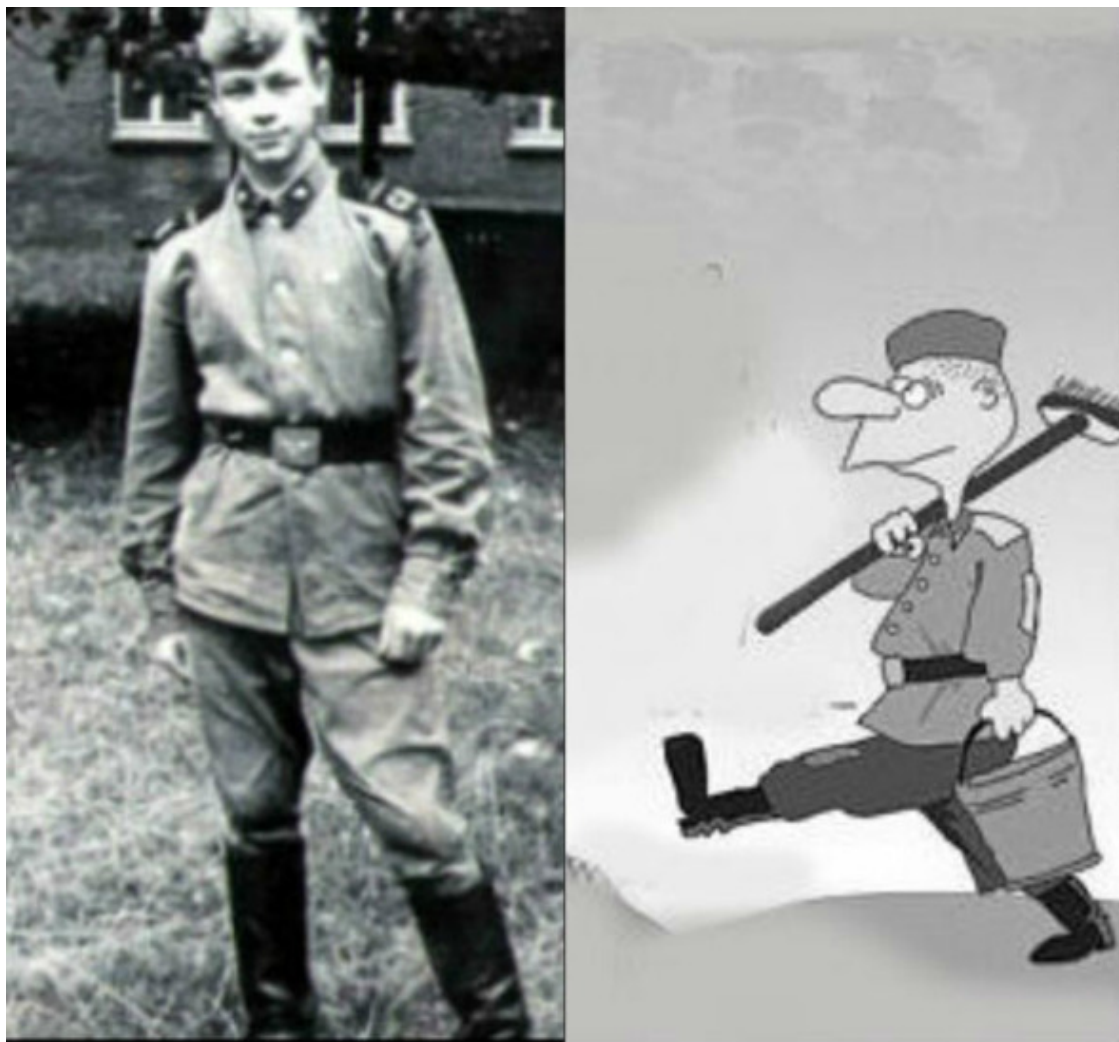
Теперь попытаюсь по порядку описать действующие лица. Командир части капитан (чуть позже майор) Феоктистов. Крайне неприятная личность, с суровым взглядом и квадратной, как волчий капкан, челюстью. С нами, солдатами практически никогда не общавшийся

.Врачи. Начальник хирургического отделения: старший лейтенант Козлов, старший лейтенант Дусалиев – ординатор, старший лейтенант Холодов – ординатор. Начальник терапевти-

ческого отделения – капитан Аббасалиев, дерматолог – старший лейтенант Ульрих, старший ординатор – капитан Гайдунко. Других пофамильно за прошедшие лета уже забыл: рентгенолог, бактериолог, начальник приемного отделения и т. д. Фельдшера – прапорщики и сверхсрочники. Они по графику ходили дежурными по части.

*киндеркнехт (нем.) -мальчик-солдат.

ФОТО: Мое первое фото. Через три месяца службы. Спасибо ротному фотографу, А. Болотову.

гл. 5. Курс молодого бойца. КМБ

Владимир Озерянин

Вернемся дорогой читатель на «КМБ» т.е. так называемый, «карантин». Возвратившись, как я уже писал, с завтрака, товарищ младший сержант Иванов вывел нас, молодежь, из строя и завел в спальное расположение. По сравнению с обычными казарменными спальными помещениями, особенно с теми, что в славном городе Славуте, никакого сравнения.

Обычная комната. Десять коек в два ряда, в один ярус. Пять тумбочек, два окна, четыре плафона. Синяя лампочка ночного дежурного освещения. Опись у входа, электро выключача-

тель. Все! Да, входная дверь. Никаких излишеств. Пол деревянный, из досок, крашенный. Стены побелены известью, панели на метр двадцать, выкрашены синей масляной краской.

– Товарищи, молодые бойцы! – слегка картавя, как Ленин, скомандовал Иванов. – Развяжите свои вещевые мешки и выложите их содержимое на свои кровати.

– А где моя кровать? – спросил я у Иванова. Он, пытаясь не подавать вида, слегка растеряно оглянулся на приоткрытую входную дверь. Там столпились, заглядывая внутрь, наши опекуны.

– Твоя, вторая направо, – спокойным тоном, с достоинством в голосе произнес один из них. Это был Шот. Первая справа от входа-кровать «деда» Шота. Вторая справа, значит, моя. В левом ряду, по диагонали, в противоположном углу, кровать «супер деда» Лисовича. Для поддержания уставного порядка, на комнату, умные командиры подсадили по два «деда». Скорее всего, у штатных командиров до этого даже мысли не доходили. Такими мелочами управлял старшина роты прапорщик Сукинцов. Следующие жильцы – Шершнева И Чекменев, прослужившие год – они до конца своего второго года службы в кубрике почти не появлялись. Два полугодка – Лимонов и Пятаков. Остальным также подсказали, где их место.

– Разложите туалетные и письменные принадлежности в тумбочки. Через десять минут строимся на улице! – продолжает командовать наш Царь и Бог.

– Ну что пацаны? Картина Репина «Приплыли»? – спрашиваю я.

Сидим на табуретах все трое, понуро опустив головы, нахохлившись, как воробьи перед грозой. В головах – полная каша – неразбериха и смутное ощущение тревоги. Я осмотрел свое ложе. Наволочка застирана. Лицевое полотенце (вафельное) в дырках. Тоненькое, серое, старое одеяльце. С простынями и матрацем познакомимся попозже.

«Так – так – так, – сказал пулемет, – значит вот здесь, в таких условиях мне предстоит прожить два года?» – задаю сам себе вопрос. Ответ где-то болтается в мутном, непроглядном тумане.

«Да – да – да, два года, это семьсот тридцать дней и ночей» – бьют молоточки в висках. И еще не известно, чем они закончатся.

Чуть позже я узнал, что всю службу (основную ее часть) можно провести и на гауптвахте. Можно пару-тройку лет прослужить в дисбате, с последующим дослуживанием своего срока там, где и начинал. Можно попасть в тюрьму. А можно по тысячам мелких и больших причин просто не дожить до заветного дембеля.

– Строиться! – прокукарекал младший сержант. – В кубрике, в проходе!

Построились.

– Садись!

Присели.

– Слушайте меня внимательно. Сейчас вас трое фельдшеров, не сегодня – завтра должны подвезти еще троих фельдшеров и четырех водителей. Когда соберутся все, тогда мы и приступим к плановым занятиям по курсу молодого бойца, а так же я подготовлю вас к принятию присяги.

– Озерянин?! Тебе понятно?

– А? Что? Что понятно?

– Встать! Когда к вам обращаются по фамилии, нужно вставать, принимать строевую стойку, ответить громко и четко: «Я!» «Так точно!» «Никак нет!», и вообще молчать, когда вас спрашивают – Понятно?

– Так точно!

– Вот, уже лучше.

Поднимаюсь с лентой и недоумением на лице, типа, чего тебе надо, пацаненок, чего повизгиваешь? Такая моя реакция отрицательно действует на младшего сержанта, прослужившего год. Можно только через год своей службы правильно оценить его реакцию на мое «А что?». Бровки у него поползли на лобик, глазки округлились, он пролепетал что-то нечленораздельное, но к его чести удержался от каких-либо более грубых действий.

Еще тогда, сразу, я подумал, что зря теряю поддержку с его стороны. Но! Идя в армию, я по своим скудным понятиям, рассчитывал (ох, как я ошибался!) на уважение «прав человека», слова такие услышал, конечно, полтора десятка лет спустя, а тогда просто что-то было в душе, на что-то надеялся. Типа, ну не должны же здесь меня загрызть заживо. Ведь, вроде, в цивилизованном мире живем (пусть он даже и называется – лагерем, но ведь социалистическим!).

– Еще вопросы есть? Нет? За мной!

Вслед за Ивановым поднимаемся на чердак. Под крышей из добротной черепицы небольшой отсек, метров двадцать на сорок. Условно- спортзал. Небольшой, но для армейского уровня достаточный набор спортивного инвентаря. Брусья, конь, козел, гири, штанга, перекладина, пару груш, маты в достаточном количестве.

– На маты садись!

Присаживаясь, оглядываюсь по сторонам. Помещение достаточно просторное для спортзала такой мелкой части, как наша. Обращаю свое внимание на совершенно новенькие латы, стропила и другие деревянные детали чердака. Они совершенно свежие, желтые, с выступившими каплями янтарной смолы, с приятнейшим запахом сосны.

– Товарищ младший сержант, а скажите, пожалуйста, сколько лет зданию нашей медицинской роты?

Иванов видимо не зная точного ответа, и досадуя на себя, что сам этим вопросом никогда не задавался, нехотя мямлит, что, судя по истории прусских армий, не менее двухсот лет.

– А крышу, что, перекрывали, видимо, недавно?

– С чего ты взял?

– Да, я смотрю, что дерево совершенно свежее на вид.

– Нет, вы ошибаетесь, рядовой Озерянин, просто оно так хорошо сохранилось с тех пор, как его здесь поставили. И вообще не отвлекайтесь по пустякам, сейчас будете сдавать зачет по физподготовке.

Легкая разминка, брусья, конь, перекладина. В юфтовых «гирях» на ногах по шесть килограммов каждая, на перекладине особо не подергаешься, но мы старались. В ВСК* по Иванову, почти вписались. Снова отдохнули на матах.

– Следующий час занятий, – объявил командир – строевая подготовка.

Степа и Вася, как всегда промолчали, меня же черт дернул задать вопрос:

– А зачем она, медикам, нужна, эта строевая?

И тогда Миша Иванов, будучи врожденным педагогом, смущаясь, краснея, прочитал нам очень краткую и содержательную лекцию с применением наглядных, практических примеров.

Тема: «Щелбан (колобаха и т.п.) для строптивых».

Содержание: для тех, кто задает много лишних вопросов, не выполняет требования и указания старших по званию и по сроку службы, даже если и делает попытки служить по уставу... И так далее и тому подобное в медицинской роте в частности, а в дивизии вообще, разработан целый ряд мер по упреждению одного.

Самый первый и самый легкий вид наказания это «Щелбан» с растяжкой. Миша демонстрирует этот прием на поверхности мата.

– Ладонь левой кисти плотно прилегает к поверхности... лба, – комментирует Иванов по ходу дела, – затем пальцами правой кисти до упора оттягивается средний палец левой кисти и резко отпускается. Наказание выполняется по команде: «Череп в руки!». Наказуемый, по команде обязан резко снять (пилотку) головной убор с головы, зажать его между ног, взять ладонями свой собственный, стриженный наголо череп, и наклониться вперед.

Количество колобах тоже имеет воспитательное значение, и отпускается по усмотрению судьи – исполнителя (в одном лице). По окончании экзекуции, наказуемый, обязан поклониться судье в ноги и поблагодарить за воспитание, сказать спасибо.

Выслушав лекцию, мы поухмылялись, не восприняв ее всерьез. По выражению лица командира я понял, что он понял, что я ничего не понял (прошу простить за каламбур).

– На улицу, бегом марш! Строиться! В одну шеренгу становись! Равняйся, смирно, налево, прямо, шагом марш! – командовал он. Плац в сорока метрах от медицинской роты. В течение последующих пятидесяти минут младший сержант демонстрировал нам чудеса строевой подготовки, мы ему в ответ, свою полную несостоятельность в этом отношении.

– Направо! В распоряжение шагом марш!

Возвращаемся в казарму, в свой кубрик – комнату.

«О – ба – на!»

Здесь, надувшись, как сычи, сидят, понуро опустив головы, три наших копии.

– Здорово мужики! Кто такие, откель будете? – нехотя, глядя из подлобья, подают нам по очереди руку.

Боря, Толик, Федя. Кушнир Борис, Парпауц Анатолий, Максимчук Федор. Фельдшера. С Черновицкой области. Братья, друзья по несчастью (или по «счастью»). Кратко выясняем кто – есть – кто. Прибыли по тому же этапу – сценарию, что и мы. Все ясно, все понятно.

– Все, быстро за мной! – командует Иванов.

Бежим за Ивановым в подвал. Кладовая химического имущества. Прапорщик – начальник склада быстро и расторопно подбирает нам по размеру противогазы и прочую химзащитную амуницию, которую мы впервые видим. Строимся на улице. По расписанию у нас занятия по ЗОМП*. Что это такое, узнаем по ходу занятий. Химический городок метров за триста от медицинской роты, в глубине темного, одичавшего сквера. Вокруг лужи и грязь, не высохшие, от прошедшего на днях дождя.

– Вспышка справа! – громко подает непонятную нам команду Иванов по ходу маршброска. Мы, разинув рты, смотрим, остановившись на него.

– Что, салаги, остановились?! Почему команду не выполняете? А?! Вас чему учили в школе и училище на начальной военной подготовке?! А?!

Мы, потупившись, виновато молчали. Может где-то в других местах этому и учили, нас, увы, нет.

– Начинаю ликбез. По команде вспышка справа, всем независимо от месторасположения, резко развернуться в противоположную сторону, упасть на землю, закрыть кистями рук глаза, – скороговоркой оттархтел, Иванов. – С места, бегом, марш! Вспышка слева!

Мы шмякаемся, где попало, кое-кто в грязь, кто-то головой в левую сторону.

– Понятно. Будем отрабатывать эти упражнения до потери пульса.

И пошло. Вспышка справа, слева, справа, сверху...

Стоп, а здесь как действовать, товарищ младший сержант?...

Отработали. Замаялись.

– Газы!

Ну, это мы уже проходили.

– Химзащиту одеть! Не знаете?! Показываю. И так два часа. Жарко, пот заливает глаза.

– В казарму бегом, марш! Химзащиту сдать! -Строиться! На спортивный городок, бегом, марш! До пояса раздеться! Десятиминутная разминка. Прохождение на бревнах. Качание брюшного пресса. На крокодил*! Быстрее, быстрее! На полосу препятствий! Бегом, бегом! Быстрее! Задыхаемся, падаем.

– Я там, кое-кому упаду! Шланги вы гофрированные!

Час физо* пролетел.

– В казарму, бегом, марш! Помыть руки. На обед, строиться! В столовой, мы молодежь, сидим за отдельным столом во главе с Ивановым. Пока еще о специфике приема пищи ничего не знаем и не врубаемся. На каждый прием пищи роту водит старшина, прапорщик Сукинцов. Кушает с ротой. Столы на десять человек. Тот, кто оказался за столом посредине, как раз напротив бачков с первым и вторым блюдом, автоматически назначается раздатчиком пищи. Места за столом заранее не закрепляются. В этом одна из маленьких сержантских хитростей. Они зорко, с хитрецей, следят, кто сядет напротив бачков. Значит, самый проголодавшийся, который надеется захватить себе порцию пожирнее. Да, не тут то было.

– рядовой Кушнир!

– я!

– Встать, вы назначаетесь раздатчиком- командует Иванов.

Боря среди нас шестерых, самый толстенький.

– А цэ як? – спрашивает скулящим голосом Боря, почувствовав какой- то подвох.

– Бери черпак, и всем по очереди разлей первое.

Мы по очереди подаем свои алюминиевые миски. Иванов первым. Кушнир подхалимски вылавливает из борща единственный кусочек сала и перекладывает его в миску Иванову. Он тут же приступает к трапезе. Моя миска заполняется где-то пятой по счету. Не торопясь, приступаю к поглощению горячего и кажущегося очень вкусным борща. Хлеба на столе предостаточно, а еще гречневая каша с мясом и подливой. И сладкий компот. Хорошо. Терпимо. Но, только Боря поднес первую ложку ко рту...

– Раздать второе – командует Иванов.

Кушнир, еще ничего не сообразив, надеясь, что второе – то, раздаст кто-то другой, медленно поднимаясь, с недоумением смотрит на «нехорошего» командира.

– Да, да ты, Кушнир, ты теперь на весь период КМБ, раздатчик за нашим столом.

Снова лучшие кусочки мяса, и половина подливы достаются уроженцу Эль-мари. Он очень быстро их поглощает, не особо пережевывая.

– Закончить прием пищи! – командует Иванов, проглотив одним махом компот.

– Как закончить?

– Убрать со стола, сложить посуду! -Иванов резко встает.

«Ни фиги себе?! Я же только приступил ко второму. Это что такое? Как понимать? Он что издевается?» -со скоростью молнии проносятся в голове эти вопросы.

Да нет, не шутит, уже вся рота потянулась на выход. За столом тихая паника. Никто не знает, за что хвататься. Судорожно пытаюсь проглотить кусочек сала от второго блюда. Каждый хватается, что попало. Стоя, одной рукой кто запикивает в рот целый кусок хлеба, кто ложку сухой гречневой каши, другой рукой, убирая со стола. Кушнир не успевавший съесть даже половины борща, суетливо- воровато сует в карман пару кусков хлеба. Уборка стола, это

соскести со своих мисок остатки пищи в бачки. Хлебом смести крошки и лужицы со стола туда-же. Бачки, миски, кружки составить на левый край стола.

– На выход! Строиться! Быстро! Рядовой Озерянин! Сдать посуду в мойку.

Я, уже пробежавший метров пять – шесть в сторону выхода, тихо бормоча какие – то «лестные» слова-проклятья в сторону командира, возвращаюсь обратно к столу.

– Чем салага не доволен? – рычит кто-то из проходящих «дедов» и толкает кулаком в плечо. Молча сверкаю в ответ глазами. Собираю быстро и сдаю в «окно приема грязной посуды» тару с нашего стола. Бегу в строй.

– Опоздываете в строй, рядовой Озерянин!

– Я посуду сдавал!

– Ты мне еще поговори! Почему без разрешения становитесь в строй?

Выбегаю обратно, подхожу к Иванову строевым шагом: -Товарищ младший сержант! Разрешите стать в строй!

– Становитесь! – цедит сквозь зубы младший сержант. Прибываем в казарму.

– Тридцать минут на перекур! Разойдись!

Медленно расползаемся в разные стороны.

– Строиться! -диким голосом орет Иванов

«Да что это такое? -каждый из нас задал про себя вопрос.

– Что за издевательство? Он что полный идиот? До обеда гонял, как Сидоровых коз, с обеда ушли полуголодные. Так он еще и перекурить не дает.!»

Медленнее, чем бы хотелось Иванову занимаем места в строю.

– По команде разойдись, вы должны вылетать со строя в любую свободную сторону со скоростью пули! Понятно!?

– Так точно!

– Р-р-разойдись!

Разбегаемся, сломя голову. По мнению Мишки Иванова не достаточно быстро.

– Становись! Разойдись! Становись! Разойдись. Хрен с вами, пока достаточно.

От обещанных тридцати, пятнадцать минут прошло. Обидно. Бреду в сторону курилки – беседки. В курилке человек семь. Не нашего призыва, хотя вижу, что из нашей части. Несмело переступаю порожек, разглядываюсь по сторонам в поисках места. Застыла гробовая тишина, среди только что весело болтавших курильщиков. Присаживаюсь. Вдруг курилку наполняет лай гиены, перемешанный с шипением гадюк.

– Ты! Ты-ы-ы!!! Кто такой!?

– А что такое? – неприлично для местного «обчества», нагло спокойным голосом спрашиваю я.

– Ты с-с-сученок п-почему без спроса и разрешения вошел в курилку? -дико вращая белками глаз, пролаял с сычанием рядовой, как чуть позже я узнал, Лисович.

– А у кого спрашивать, я старших по званию здесь не вижу.

– Что? – опешил Лисович, озираясь по плечам соратников, в поисках лычек на погонах.

Я проследил за его мечущимся взглядом, и одновременно мы наткнулись на одинокую, узенькую лычку ефрейтора Шота.

– А-а-а! – завизжал «дед». -Ефрейтор, тебе что, не старший по званию?

– Нет, -неуверенно пролепетал я.

– Вон отсюда! И зайди, как положено!

Медленно, с попыткой сохранения остатков достоинства, выхожу из курилки и бреду в сторону казармы. От такого начала службы затошнило. В голове две мысли: уйти в казарму, как это сделало большинство, или выполнить приказ самодура и вернуться в курилку. Выбрал среднее, закурил возле угла казармы. Но, ужас! Этим самым я, гад такой, грубейшим образом переступил статью Устава, разрешающую курить только в строго отведенных для этого «позорного» занятия местах! Ну, как могла, «строго уставная» душа, рядового Лисовича пройти спокойно мимо такого «ужасно-грубого» нарушения Устава.

– М-мужики! -завопил он на весь двор блаженным голосом.

– В-вы -в-вы только посмотрите, что вытворяет э-т-о-т слоник, – и сам пулей вылетел из курилки в мою сторону. Брюзжа слюной, с кулаками подскочил ко мне.

– Череп в руки! -заорал он диким ревом.

– Да пошел ты, – отказался я от выполнения команды.

– Что-о-о?! – начал задыхаться, захлебываясь слюной и злостью, с перекошенным лицом «дед».

Фофан с силой удара молотка припечатался к моему лбу. Пилотка улетела метров на пять в сторону. Голова закачалась как маятник, искры снопом сверкнули из глаз...

– Ну, с-сука, после КМБ, я тебя достану, т-ты меня запомнишь!

– Поживем, посмотрим, – прошипел я в ответ.

Развернулся и пошел в сторону другой курилки, которая почему-то стояла пустой. Пока дошел до нее, Иванов прокукарекал бодреньким голоском молодого петушка:

– Строиться!

Я выбросил окуроч в бачок возле курилки и бегом стал в строй.

– Озерянин! Ты что, ходил курить в офицерскую курилку?

– Никак нет, я только выбросил там окуроч.

– Так ты что курил на улице?

– Никак нет, я только прикурил, и тут вы подали команду строиться.

– Ну, я с тобой разберусь, запомните все, та курилка для командного состава, вам туда вход воспрещен. Слушайте меня внимательно, сейчас с каждым из вас, начальник хирургического отделения старший лейтенант Козлов проведет индивидуальное собеседование, заходить будете по очереди, по вызову. Озерянин, ты первый, вперед в ординаторскую на второй этаж, за мной.!

Хирургическая ординаторская. Комната, примерно, пять на четыре метра. Три – четыре стола. Телевизор. Кухонка. За столом посередине, молодой, с холемым, симпатичным лицом, но крайне холодным взглядом, старший лейтенант.

– Разрешите войти.

– Проходи, вот сюда на середину.

На полу – старый, протертый до основы, серый палас.

– Товарищ старший лейтенант, рядовой Озерянин, по вашему приказу прибыл!

– Хорошо, ваши паспортные данные, что, где, когда и с какими успехами окончил?

Я по порядку ответил.

– У кого из вашей тройки фельдшеров, успеваемость была самая высокая?

– Товарищ старший лейтенант, вам повезло, вместе со мной прибыл рядовой Мартынюк, он единственный в группе из тридцати человек окончил училище с «красным» дипломом!

– Да? Это хорошо. Вы свободны. Следующий!

Спустился во двор, в солдатской курилке находился только наш призыв. Зашел, свободно закурил. Пацаны поинтересовались о результатах беседы. Кто-то высказал мнение, что по результатам беседы нас распределяют в штат по отделениям. Делаю небольшое отступление

по такому поводу. Все, кто хотя бы одним глазом заглядывал в армию, знают, что на должностях младшего медицинского персонала работают служащие и военнослужащие женщины. Еще они служат связистками, поварами, писарями -машинистками и. т. п. Представьте, что в нашей медицинской роте нет ни одной женщины, и даже духа их не было. И еще больше того – и в штате других служб дивизии – тоже ни одной дамы. Солидный мужской монастырь, артиллерийский. Фельдшера здесь служили на должностях медсестер. Писарями и телефонистками, в основном, ребята из Татарстана. Ну, а поварами – само собой разумеется, прирожденные кулинары плова, лагмана, шашлыка и т. п. – сами знаете кто.

Вышел с собеседования последним, веселый разбитной, молдаванин, Толик Парпауц вместе с Ивановым.

– Строиться! Перед вами стоит наш главный «завхоз» рядовой Иван Запевалов. Сейчас он выдаст вам уборочный инвентарь и пойдете на уборку территории.

Спускаемся в подвал вслед за «завхозом». Получаем грабли и веерные скребки.

– Что, лопух, – обращается ко мне с улыбкой до ушей, каптерщик, рядовой Запевалов, – говорят, что ты уже успел всех «дедов» на уши поставить?

Делаю вид, что не понял о чем речь.

– Ну, ты, смотри, старайся так больше не делать. Запомни, здесь ты никто, и никто тебе в случае чего не поможет. Папы и мамы отсюда очень далеко; Оформят, как несчастный случай! – бросает он мне «утешение» вдогонку.

Иванов распределил территорию между нами, объяснил что, куда и как грести. Работа показалась относительно легкой, до ужина управились. И, даже прошла усталость, но затаились обиды, злость, непонимание и даже страх перед дальнейшей службой. Ужин. Обеденный опыт мы быстро намотали на ус, поэтому картофельное пюре с кусочком жареного морского окуня и чай проглотили за три секунды. Кто успел, насовали в карманы хлеба.

Возле казармы подождали, когда старички накурятся и разбредутся из курилки. Мой опыт посещения курилки уже обобщили. Накурились всласть без помех.

– Взять ручки, тетради, конверты, зайти в ленкомнату. До вечерней прогулки написать письма на Родину! – эту команду все выполнили с удовольствием.

Написал и я. Матери и своей возлюбленной. Кратко, но со сплошными восторгами о службе. Я имею в виду, ни слова о реальной действительности.

По плацу нарезали уже четвертый круг. В колонне по четыре, маршировали все призывы, кроме четвертого периода. В очередной раз прозвучала команда:

– Запевай! -над плацем, в вечернем, чуть прохладном воздухе, громко, звонко и чисто, как у соловья, взвивался голос ротного запевалы Ваньки Запевалова. Представьте себе такое совпадение. На редкость, фамилия соответствовала таланту. И песен он знал множество. И он же ротный каптенармус – «завхоз». И в принципе, как оказалось в дальнейшем, неплохой товарищ, если учесть при этом год разницы в службе.

Об этой разнице придется вспоминать еще много раз по ходу моей писанины. Внешне Запевалов выглядел примерно так: рост под 170, широковат в кости, круглая плутовская рожа. Голубые глаза, губы, как колбасы, постоянно растянутые в озорной улыбке до ушей, даже во сне, да нос картошкой. В общем, я нарисовал вам почти портрет артиста Леонова.

Роту водил по плацу наш Иванов. Колонна строилась таким образом. В передних шеренгах сержанты всех призывов, кроме «дедовского» (но их там почти и не было). Затем мы «лимоны», за нами полугодки, за ними – прослужившие год. Соответственно, если это передвижение на прием пищи, то замыкают колонну «дедушки». Эта иерархия соблюдается стро-

жайшим образом. Везде. Всегда. Нет- нет, чтобы не было возражений, «деды» – сержанты, могут себе позволить все!

– Построение на вечернюю проверку! -объявляет дневальный по роте рядовой Лимонов. Рост 176 см. Прослужил шесть месяцев. Фигурой напоминает вопросительный знак. Руки ниже колен. Морда бледная, глаза пустые, прозрачные. Нос тонкий, длинный, с ноздрей торчит поочередно, зеленая сопля. Губы тонкие, красные, рот постоянно открыт. Выражение лица скорбно-обиженное. Картавит. Диагноз: «москвич», потому что родом из столицы нашей необъятной... Да еще и сын прапорщика.

– Ргота! Плиготовиться к вегегней пговегке! – как телерепортер Степаненко, – гота, на вегегнюю повегку становись!

Мы пулями вылетаем в коридор. Построение в две шеренги. По тупости стараемся не выпячиваться в передней шеренге и жмемся во вторую, к стенке. Как повар отрезает мясо от кости, так рев и кулаки, старших призывов отделяют нашу каплоухую шеренгу от стенки вперед. Дежурный зачитывает именной список. Доходит очередь до меня. Четко и громко отвечаю по уставу: «Я»!

Мое «Я» как- то странно, произвольно, обрывается на неоконченном выдохе. Как будто я поскользнулся и внезапно приземлился задницей на лед. Это кто-то со всей силы долбанул мне между лопаток кулаком. Осторожно, с небольшим поворотом головы, скашиваю глаза назад. Сзади, оскалив волчью пасть, стоит мой новоиспеченный «друг» – Лисович.

– В чем дело? – еле ворочая языком, так как не могу вдохнуть, шиплю я.

– Ты слишком громко отвечаешь на свою фамилию, ты еще слишком зеленый, чтобы так открывать пасть, – прошипел он мне в ответ.

– Десять минут на помыть ноги – отбой в двадцать два ноль ноль, без предупреждения! – прокартавил Лимонов. Быстро раздеваемся, бежим в умывальник, ополаскиваем ноги. Нырять в кровать, как в спасительную раковину, рассчитывая хоть здесь найти покой до утра.

– Отбой! – прокричал дневальный.

Я даже успел провалиться в сон. Открылась дверь в комнату и прапорщик дежурный по части, обратился к Иванову:

– Командир! Поступила команда от оперативного дежурного по штабу дивизии. В солдатской столовой снова вышла из строя картофелечистка. От всех спец. рот требуют по одному бойцу. Кого выделим от тебя?»

– А что, кроме молодых больше никого нет? – неуверенно пропищал Иванов.

– Я тебе помогу, Иванов, а то ты долго думаешь, – прошипел из – за спины дежурного ночной командир роты Лисович. У меня всякие мечты отоспаться сразу растаяли, как и остатки мгновенного сна.

– Кого? – еще раз пропищал Иванов.

– А ты не догадываешься? У нас сегодня есть должник, я тебе уже говорил. Отведешь, Серега, его в столовую, но чтобы в любой ситуации его оставили работать до утра.

На этот раз Лисович отдал распоряжение прапору, дежурному по части.

Позже я узнал, как это могло так быть. Прапорец только что отслужил срочную, фельдшером. Дежурным по части заступил первый раз. Еще вчера нынешний «дед» неоднократно вылизывал задок нынешнему «куску» будучи «черпаком». Отсюда и панибратские отношения.

– Озерянин!

– я!

– Ты сегодня назначаешься в наряд на работы, одевайся, иди к дежурному по части, он проводит тебя в столовую. Поможешь наряду чистить картошку. Вернешься, доложишь. Понял?

– Так точно, товарищ младший сержант, – полушепотом ответил я.

Сослуживцы, затаив дыхание, замерли от счастья. Их пронесло. Включая и вчерашних однокурсников. Никто не возразил, никто не предложил помощь, никто не разделил участь. Если умирать, то ты умри сегодня, а я завтра, а может и повезет. С тех пор, как я пишу эти строки, прошло почти сорок лет. Заверяю всех несведущих и не ведающих, ничего ни в одном армейском звене, в сторону улучшения отношений между солдатами, ни в одной из нынешних армий СНГ не изменилось. Наоборот – усугубилось.

Вслед за прапорщиком Руфьевым, я по диагонали пересекал плац в сторону столовой. Здесь два «куска» полушепотом обменялись кратким диалогом. Я поступил в распоряжение неизвестного мне прапорщика, дежурного по столовой. Время было 22.30, помощник дежурного провел меня в картофелечистку. Миллионы мужчин прошли через этот терпимо пахнущий цех. Ничего здесь интересного. Аппарат, под названием картофелечистка, обычно работает только у какого-нибудь начпрода – энтузиаста, да и то два-три дня в году. А остальные миллионы тонн картофеля, дорогие мамы, перечисляются ручками (у некоторых даже очень белыми) ваших сыночков.

Очень многие проводят именно в этом цеху более половины всей службы, о чем никто, естественно, потом старается не упоминать. Поздоровался с друзьями по несчастью, получил ножик, и дело не хитрое. В три часа ночи план выполнили. Под шутки, прибаутки, рассказы и расспросы. «Дедов» среди нас, естественно, не было, поэтому работали без напряжения. По окончании чистки, удовлетворенный дежурный по столовой, всех привлеченных отпустил по своим ротам. Меня, как особо одаренного, повел в мясной цех.

– Вот тебе тряпка, вода в кране, порошок посудомоечный в пакете. Сначала отмоешь панели, затем пол. Не торопись, я отпущу тебя в роту в половину шестого. Закончишь уборку цеха, доложишь мне.

Цех был небольшой, квадратных метров двадцать. Через час кафель панелей и пола сверкал приятной белизной в свете жужжащих мертвым светом неоновых ламп.

– Товарищ прапорщик, ваше задание выполнено!

– Молодец, хорошо сделал, а вот видишь в углу на подставке, большой ржавый топор?

– Вижу.

– Бери его, бери большую тряпку и идем со мной.

Выходим на улицу, за углом небольшой холмик речного песка.

– Вот, дорогой, садись на этот песок, махай в него тряпку и надраивай топор до зеркального блеска, чтобы я утром мог перед ним побриться. Все понял?

– Так точно.

– Давай работай.

Топор к утру мне самому понравился, ну настоящее зеркало.

– Все, сынок, свободен, до роты сам добежишь, и доложи дежурному своему, что прибыл.

Пока бегу через плац, кратко объясняю: до принятия присяги молодежь в наряды ставить, якобы, запрещено. Ни в караул, ни по роте, ни в столовую. Но на все возможные подсобные работы командиры используют молодежь с превеликим удовольствием, под вечным

предлогом – нехватка рабочих рук. Прибежав в казарму, доложил дежурному, разбудил Иванова, доложил ему, и с его высочайшего разрешения нырнул под одеяло. Успел уснуть, и, что более всего удивительно, за 10 минут успел выспаться. Когда Лимонов просявкал: «Подъем!» он не был мне в тягость. Большую роль сыграла, конечно, в этом молодость, и может быть то, что я по биоритму – «жаворонок». С подъема, быстрое, по горящей в пальцах Иванова спичке, одевание, и бегом, бегом на улицу. Построение на ходу и кросс. Трехкилометровый.

Шестикилограммовые юфтевые сапоги очень «способствуют» кроссовой подготовке. Ноги после

десятиминутного сна заплетаются. Бегущие вслед полугодки подгоняют криками: Давай! Давай! И еще одним оригинальным способом. Стараются попасть носком своего сапога в подошву впереди бегущего «лимона». Трасса для кросса – асфальтная дорога, идущая на подъем. В эту сторону мы еще не бегали. На промежуточном финише небольшие одичавшие заросли.

– На месте стой! Желаящим разрешаю отлить-скомандовал Иванов. С этим делом мы справились быстро, но с высоты холма открывалась интересная панорама. Какой-то широкий канал, с противоположной стороны- красивая набережная с декоративными уличными фонарями. Берег выложен то ли гранитом, то ли просто бетоном. Отступив от набережной, метров пятьдесят в глубь, стояла высокая бетонная стена. Из-за стены торчали круглые бетонные башни – вышки. Внутри башен просматривались пулеметы, направленные в нашу сторону. Вдоль стены по набережной, бежала группа крепких парней. Похоже, что это тоже были солдаты. Они были похожи, и чем-то непохожи на нас. Крепкие, рослые, коротко стриженные, в спортивной форме. Бежала эта группа весело, не торопясь, что-то приветливо крича и жестикулируя в нашу сторону.

– Кто это? – спросили мы у Иванова.

– Я вам приказываю на них не реагировать. Делайте вид, что вы их не замечаете. Это наши враги, – фальцетом запищал наш командир. На наших лицах застыли огромные знаки вопросов с открытыми ртами, вместо точек, внизу знаков. За каналом -территория Западного Берлина. А прямо напротив нашей дивизии стоит дивизия НАТО. А это нас приветствуют их солдаты, они тоже на физзарядке. Со всех сторон полупшепотом стали объяснять нам полугодичники:

– Это вы сможете наблюдать ежедневно. Но помните, что мы со своей стороны ни кричать, ни жестикулировать права не имеем. Они нас провоцируют.

Мы этим советам поверили, знаки вопросов с наших портретов растаяли сами собой. Красивая картинка противоположного берега, как-то поблекла, и тоже растворилась в утренней дымке. Над куполом их штаба гордо реял огромного размера звездно-полосатый флаг. Реально я его видел впервые в своей жизни. В лучах восходящего солнца все это смотрелось впечатляюще, но на душе было мутно.

– Быстро перестроились! В обратную сторону бегом, марш!

«В интересное место попал я служить,» – пролетали в голове легкие мысли. С этими мыслями я и растянулся на асфальте со всего маху. Назад мы бежали вниз, ноги сами собой несли вперед. Ефрейтор Пятаков все-таки умудрился перецепить меня носком под подошву сапога. Принцип «волчьей стаи» набирал обороты. Пятаков, как в последствии оказалось, сам по себе вполне нормальный солдат и товарищ, отрабатывал стайные законы. А меня, видимо объявили в стае вне закона. Сами волки открыто работать боялись. Натравливали не шакалов, шакалят. Локти и колени саднили, но времени на возмущение не было. Я лишь взглянул в глаза обидчику, он свои стыдливо отвел в сторону. Ладно переживем.

– На перекладину! На брусья, на «крокодил». Кроме «лимонов» больше никого на спортплощадке не было. «Деды» курили за углом казармы, делая вид, что нас не замечают. На следующую ночь, чистить картошку пошел Степа Мартынюк. Саша Шот, мой куратор, в неравном споре с Лисовичем, меня отстоял. Затем все ходили по очереди. В этом духе и режиме прошел месяц. Прибыли через пару дней водители: Чкадуа, Бабаков, Желнов из Донбасса, и Барсукевич из Белоруссии. Через пару дней они ушли в автокарантин и до присяги мы их не видели.

Толик Парпауц – хитрожопый Черновицкий молдаванин, под покровительством своего земляка, терапевта из госпиталя капитана Марару, через пару дней тоже исчез. Спрятался в какую-то мифическую спортроту. Там ему пророчили великое спортивное будущее на длинных дистанциях по прыжкам в сторону. Нас пятеро под командой полководца Иванова мужественно тянули день в день, минута в минуту, расписание КМБ. Из командования в течение месяца к нам никто носа не совал. Два раза в неделю, в составе роты мы посещали только политзанятия.

В армии так принято, что присягу военнослужащий принимает с личным оружием в руках. У нас в частности это были АК. А перед тем, как их держать в руках, желательно познакомиться, что это такое. Нельзя сказать, что я впервые в армии взял в руки стреляющее орудие. С пятого по седьмой класс, мы пацаны, активно мастерили самопалы. Порох доставали всеми правдами и неправдами. С восьмого класса и до окончания медучилища во время каникул бегали на охоту, (крайне редко удавалось что-то реально добыть из дичи) но стреляли много. Ружья втихаря брали у отцов и друзей постарше. Как остались живыми и невредимыми до сих пор непонятно.

Сейчас, будучи давно официально зарегистрированным охотником, диву даюсь. Ведь не соблюдали абсолютно никаких мер и правил. В училище, проходя НВП* много «стреляли» с «лазерной винтовки» навыки в прицеливании она давала, но это для нас было все равно, что с фонарика светить. Один раз выезжали в тир на «тучинский» полигон. Стреляли из реального автомата «ППШ». Но мы его уже всерьез не воспринимали и результатами не интересовались.

Еще я часто посещал городские тир, пострелять из воздушки. Были случаи, удивлял товарищей, когда сбивал зверушек с одной руки. Весь личный состав роты во главе с майором Феоктистовым прибыл в полевой тир, расположенный недалеко от городка. Стреляли по мишеням, выполняли упражнение. На огневой рубеж выходили по три. Я поразил без напряжения все три мишени. Построение здесь же после стрельбы.

– Рядовой Озерянин!

– я!

– Выйти со строя! – скомандовал командир. – За отличные показатели при выполнении упражнения... Объявляю вам благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

– Стать в строй!

– Есть!

Пока происходила эта церемония, я наблюдал за выражением лиц сослуживцев. Оно было самое разное. От непонятно-удивленного у Лисовича, до гордости за товарища у Мартыновича, у основной массы- безразличное. Для меня эта благодарность была маленькой капелькой бальзама на душу в бочке дегтя.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических республик... рядовой...

С автоматами «на грудь» – по очереди мы выходили к столу, брали в руки папку с текстом присяги. Момент был торжественно волнующим. Руки и ноги прошибала мелкая дрожь. Все старшие призывы внимательно следили, не будет ли с нашей стороны каких либо проколов. Подход, отход, фиксация. Любая осечка в дальнейшем должна была послужить поводом для подначек. Осечек не было. Сильно переживал Иванов. Ему тоже выставялась оценка по нашей подготовке. Мы его не подвели. В конце весь призыв сфотографировался.

см. ФОТО:1. КМБ, наш к-р отделения М. Иванов.2. Я справа, выглядел примерно так.

*полынына-альпийские луга в горах Карпат.

*ЗОМП-защита от оружия массового поражения.

*физо-физическая подготовка.

*крокодил- металлический снаряд на спортивном городке.

гл. 5а. Служба началась

[Владимир Озерянин](#)

Развернулся и пошел в сторону другой курилки, которая почему-то стояла пустой. Пока дошел до нее, Иванов прокукарекал бодреньким голоском молодого петушка:

– Строиться!

Я выбросил окурочек в бачок возле курилки и бегом стал в строй.

– Озерянин! Ты что, ходил курить в офицерскую курилку?

– Никак нет, я только выбросил там окурочек.

– Так ты что курил на улице?

– Никак нет, я только прикурил, и тут вы подали команду строиться.

– Ну, я с тобой разберусь, запомните все, та курилка для командного состава, вам туда вход воспрещен. Слушайте меня внимательно, сейчас с каждым из вас, начальник хирургического отделения, старший лейтенант Козлов, проведет индивидуальное собеседование, заходить будете по очереди, по вызову. Озерянин, ты первый, вперед в ординаторскую, на второй этаж, за мной.

Хирургическая ординаторская. Комната, примерно пять на четыре метра. Три – четыре стола. Телевизор. Кушетка. За столом по середине, молодой с холемым симпатичным лицом, но крайне холодным взглядом старший лейтенант.

– Разрешите войти.

– Проходи, вот сюда на середину.

На полу старый, протертый до основы, серый палас.

– Товарищ старший лейтенант, рядовой Озерянин, по вашему приказу прибыл!

– Хорошо, ваши паспортные данные, что, где, когда и с какими успехами окончил?

Я по порядку ответил.

– У кого из вашей тройки – фельдшеров, успеваемость была самая высокая?

– Товарищ старший лейтенант, вам повезло, вместе со мной прибыл рядовой Мартынюк, он единственный в группе из тридцати человек окончил училище с «красным» дипломом!

– Да? Это хорошо. Вы свободны. Следующий!

Спустился во двор, в солдатской курилке находился только наш призыв. Зашел, свободно закурил. Пацаны поинтересовались о результатах беседы. Кто-то высказал мнение, что по результатам беседы нас распределят в штат по отделениям. Делаю небольшое отступление, по такому поводу. Все, кто хотя бы одним глазом заглядывал в армию, знают, что на должностях младшего медицинского персонала работают служащие и военнотружущие женщины. Еще они служат связистками, поварами, писарями - машинистками и т. п. представьте, что в нашей медицинской роте ни одной женщины, и даже духа их не было. И еще больше того – и в штате других служб дивизии – тоже ни одной дамы. Солидный мужской монастырь, артиллерийский. Фельдшера здесь служили на должностях медсестер. Писарями и телефонистками в основном ребята из Татарстана. Ну, а поварами – само собой разумеется, прирожденные кулинары плова, лагмана, шашлыка и т. п. – сами знаете кто.

Вышел с собеседования последним, веселый разбитной, молдаванин, Толик Парпауц вместе с Ивановым.

– Строиться! Перед вами стоит наш главный «завхоз» рядовой Иван Запевалов, сейчас он выдаст вам уборочный инвентарь, и пойдете на уборку территории. Спускаемся в подвал, вслед за «завхозом». Получаем грабли и веерные скребки.

– Что лопух, – обращается ко мне с улыбкой до ушей, каптерщик, рядовой Запевалов, – говорят, что ты уже успел всех «дедов» на уши поставить?

Делаю вид, что не понял о чем речь.

– Ну, ты, смотри, старайся так больше не делать. Запомни, здесь ты никто, и никто тебе в случае чего не поможет. Папы и мамы отсюда очень далеко; Оформят как несчастный случай! – бросает он мне «утешение» вдогонку.

Иванов распределил территорию между нами, объяснил что, куда и как грести. Работа показалась относительно легкой, до ужина управились. И, даже прошла усталость. Но затаились обиды, злость, непонимание и даже страх перед дальнейшей службой. Ужин. Обеденный

опыт мы быстро намотали на ус. Поэтому картофельное пюре с кусочком жареного морского окуня и чай проглотили за три секунды. Кто успел, насовали в карманы хлеба.

Возле казармы, подождали когда старички накурятся и разбредутся с курилки. Мой опыт посещения курилки уже обобщили. Накурились всласть без помех.

– Взять ручки, тетради, конверты, зайти в ленкомнату. До вечерней прогулки написать письма на Родину, – эту команду все выполнили с удовольствием.

Написал и я. Матери и своей возлюбленной. Кратко, но со сплошными восторгами о службе. Я имею в виду, ни слова о реальной действительности.

По плацу нарезали уже четвертый круг. В колонне по четыре, маршировали все призывы, кроме четвертого периода. В очередной раз прозвучала команда:

– Запевай! -над плацем, в вечернем, чуть прохладном воздухе, громко, звонко и чисто, как у соловья, взвивался голос ротного запевалы, Ваньки Запевалова. Представьте себе такое совпадение. На редкость, фамилия соответствовала таланту. И песен он знал множество. И он же ротный каптенармус – «завхоз». И в принципе, как оказалось в дальнейшем, неплохой товарищ, если учесть при этом год разницы в службе.

Об этой разнице придется вспоминать еще много раз по ходу моей писанины. Внешне Запевалов выглядел примерно так: рост под 170, широковат в кости, круглая плутовская рожа. Голубые глаза, губы, как колбасы, постоянно растянутые в озорной улыбке до ушей, даже во сне, да нос картошкой. В общем, я нарисовал вам почти портрет артиста Леонова.

Роту водил по плацу наш Иванов. Колонна строилась таким образом. В передних шеренгах сержанты всех призывов, кроме «дедовского» (но их там почти и не было). Затем мы «лимоны», за нами полугодки, за ними прослужившие год. Соответственно, если это передвижение на прием пищи, то замыкают колонну «дедушки». Эта иерархия соблюдается строжайшим образом. Везде. Всегда. Нет- нет, чтобы не было возражений, «деды» – сержанты, могут себе позволить все!

– Построение на вечернюю проверку! Объявляет дневальный по роте, рядовой Лимон. Рост 176 см. Прослужил шесть месяцев. Фигурой напоминает вопросительный знак. Руки ниже колен. Морда бледная, глаза пустые, прозрачные. Нос тонкий, длинный, с ноздрей торчит поочередно, зеленая сопля. Губы тонкие, красные, рот постоянно открыт. Выражение лица скорбно-обиженное. Картавит. Диагноз: «москвич». Потому что родом со столицы нашей необъятной... Да еще и сын прапорщика.

– Ргота – плиготовиться к вегегней пговегке! – как телерепортер Степаненко, – гота, на вегегнюю повегку становись!

Мы пулями вылетаем в коридор. Построение в две шеренги. По тупости стараемся не выпячиваться в передней шеренге и жмемся во вторую, к стенке. Как повар отрезает мясо от кости, так рев и кулаки, старших призывов отделяют нашу каплоухую шеренгу от стенки вперед. Дежурный зачитывает именной список. Доходит очередь до меня. Четко и громко отвечаю по уставу: «Я»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.